

«Окно». Литературный Сборникъ, кн. 3. (Изд. М. и М. Цетлингъ, Парижъ, 1924 г.).

Третья книжка сборника «Окно» могла бы, пожалуй, служить иллюстраціей къ статьѣ Антона Крайняго, помѣщенной въ XVIII-мъ номерѣ «Современныхъ Записокъ».

Странное явленіе! Несомнѣнно, русская литература въ лицѣ лучшихъ представителей старшаго поколѣнія, вся почти эмигрировала. Въ Россіи изъ этого довоеннаго поколѣнія остался кажется лишь Сергѣевъ-Ценскій. Но вотъ, всякая попытка объединенія писателей эмигрантовъ и созданія литературныхъ сборниковъ заканчивается неудачей: имѣются русскіе писатели въ Германіи, во Франціи, но они не работаютъ, или же работаютъ въ иной сферѣ, не художественной; если же, наконецъ, они и пытаются творить въ области художественной, то писанія ихъ носятъ печать усталости и насъ разочаровываютъ.

Наша проза больна! Конечно, явленію этому можно найти множество причинъ соціальнаго характера, точно также какъ и тому факту, что на смѣну старшаго поколѣнія нѣтъ молодыхъ: вѣдь приходится признавать, нисколько даже не раздѣляя отвращенія и презрѣнія Антона Крайняго къ послѣ-революціонной писательской молодежи, что среди нея (насколько издали можно судить) нѣтъ сильныхъ талантовъ и оригинальныхъ умовъ. Но соціальныя причины возможно подобрать ко всякому явленію; и констатированіе ихъ нисколько не успокаиваетъ нашего недоумѣнія. Тѣмъ болѣе, что русская поэзія по сравненію съ прозой оказывается, при наличіи вѣдь тѣхъ же причинъ, въ какомъ-то привилегированномъ положеніи...

Изъ всего сборника приходится вновь выдѣлить рассказъ Бунина «Въ ночномъ Морѣ». Бунинъ среди писателей эмигрантовъ исключеніе и живое доказательство того, что дѣйствіе обшихъ причинъ варьируетъ, въ зависимости отъ личности и отъ реакцій ея: почему Бунинъ не «поддался» тамъ, гдѣ поддались и ослабѣли другіе (именъ называть не буду)? Я допускаю, что можно не любить искусство Бунина: но фактъ знаменательный въ томъ, что этотъ писатель, столь остро и глубоко пережившій русскую катастрофу, реагирующій на нее въ своихъ статьяхъ столь страстно (по существу реакцію эту оцѣнивать здѣсь не буду), все же продолжаетъ творить, и созданія его, конечно, весьма различныя по цѣнности, болѣе или менѣе удачныя, всегда отмѣчены печатью бунинскаго искусства, всегда удерживаются въ предѣлахъ специфическаго бунинскаго жизнеспріятія, не выпадаютъ никогда изъ рамокъ его своеобразной формы. Былъ и есть бунинскій міръ, многообразный и сложный, и онъ продолжаетъ на нашихъ глазахъ неуклонно строиться и развертываться. Отъ срыва спасаетъ этого писателя, вѣроятно, не только талантъ его, но и техника, строгій вкусъ, особый, рѣдкій тактъ.

«Въ Ночномъ Морѣ» — нѣсколько схематиченъ по моему:

«идейный» костюмъ разсказа выступаетъ слишкомъ явственно. Тема разсказа — омертвѣніе человѣческой души развивается въ бесѣдѣ двухъ случайно столкнувшихся на пароходѣ пассажировъ: они были когда-то, лѣтъ двадцать тому назадъ, соперниками; одинъ отнялъ у другого жену. Встрѣтившись, они вспоминаютъ прошлое; женщину, которую они оба любили, — умерла. Потухли всѣ чувства: любовь и ненависть, и ревность, и жалость... Полное окостенѣніе: «идіотическое безчувствіе», какъ выражается одинъ изъ собесѣдниковъ, знаменитый врачъ, смертельно больной, знающій, что ему осталось всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ жизни.

«Ну и что же вы чувствуете ко мнѣ теперь? — спросилъ господинъ съ прямыми плечами. — Злобу, отвращеніе, жажду мести? — Представьте себѣ: ровно ничего.. Ужась. Да вѣдь вы это хорошо знаете и сами, то есть то, что я ничего не чувствую. Иначе бы не спросили. — Вы правы. Знаю. И это тоже очень страшно. — А намъ все такъ не страшно... — Говорятъ: прошлое, прошлое! А все вздоръ. Никакого прошлаго у людей, строго говоря, нѣтъ. Такъ только, слабый отзвукъ какой-то всего того, чѣмъ жила когда-то».

Дѣйствіе на читателя обычной бунинской строгости, сдержанности, почти скупости ослабляется здѣсь разсудительностью: разсказъ развертывается словно геометрическая теорема, и сами персонажи до конца изъясняютъ себя.

Но между этими страницами и послѣдующими проходить рѣзкая грань: тамъ область искусства, тутъ Шмелевъ. «Солнце Мертвыхъ», — вовсе не преображенный, сырой психологическій и бытовой матеріаль. Конечно, къ подобному произведенію нельзя подходить съ эстетическими мѣрилами: реальное страданіе, реальный ужасъ, стоны и рыданія художественной оцѣнкѣ не подлежатъ, и то тягостное до боли ощущеніе, которое вызываетъ «Солнце Мертвыхъ» (отдѣльныя страницы, отдѣльныя фразы порою очень хороши: напряженны и сконцентрированы), аналогично тому, которое вызвало бы непосредственное зрѣлище или переживаніе описываемыхъ Шмелевымъ ужасовъ. Но въ концѣ концовъ боль эта притупляется, уступаая мѣсто нетерпѣнію и скукѣ.

«Предѣлъ» г-жи Таффи — совсѣмъ «подъ Достоевскаго». Прелести и значенія подобныхъ литературныхъ упражненій я, признаюсь, совершенно не понимаю.

Чрезвычайно интересны воспоминанія Э. Гиппиусъ о В. В. Розановѣ «Задумчивый Странникъ». Въ нихъ особенно ярко выступаетъ, впрочемъ, не столько образъ самого Розанова, сколько та среда — сейчасъ намъ столь чуждая, — въ которой возникли религиозно-философскія собранія и журналъ «Новый Путь».

Много цѣннаго и новаго матеріала въ статьѣ М. Л. Гофмана:

«Неизданныя рукописи Пушкина», съ тремя снимками съ пушкинскихъ рукописей.

Богатъ и разнообразенъ стихотворный отдѣлъ: Амары, Бальмонтъ, Бунинъ, Струве, Мар. Цвѣтаева.

Б. Шлецеръ.

«Звѣзда», 1924, № 1. — Красный Архивъ», 1923. т. IV. — «Красная Новь» 1924, № 1-2. — «Печать и Революція», 1924, № 1. — «Россия», 1924, № 1.

На недостатокъ беллетристическаго матеріала редакторамъ большевистскихъ журналовъ жаловаться не приходится: за годы, прошедшіе съ октябрьскаго переворота, въ Россіи появились новые беллетристы, вернулись, послѣ добровольнаго или вынужденнаго молчанія, къ писательской дѣятельности и многіе изъ старыхъ. Тѣ и другіе, за малыми исключеніями, печатаютъ свои произведенія въ большевистскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ «Красной Нови» помѣщены «Матеріалы къ роману» Бор. Пильняка. Интересное признаніе дѣлаетъ этотъ нашумѣвшій писатель въ предисловіи къ новой вещи. Критика не разъ ставила ему на видъ, что онъ вводитъ въ свои произведенія большіе отрывки изъ ранѣ напечатанныхъ, что онъ не выработалъ своего стиля, подражаетъ то Бѣлому, то Бунину, то Ремизову. Какъ бы отвѣчая ей, онъ пишетъ: «Мои вещи живутъ со мной такъ несуразно, что, когда я начинаю писать новую вещь, старья я беру матеріаломъ, гублю ихъ, чтобъ сдѣлать новое лучшее; — отчасти это и потому, что мнѣ гораздо дороже моихъ вещей то, что я хочу сейчасъ сказать, и я жертвую старымъ трудомъ, если онъ идетъ мнѣ въ помощь; — это и отъ того, что у меня мало фантазіи... Я вышелъ изъ Бѣлаго и Бунина, многіе многое дѣлаютъ лучше меня, и я считаю себя вправѣ брать это лучшее или такое, что я могу сдѣлать лучше».

«Матеріалы къ роману» содержатъ пять отрывковъ — отнюдь не равноцѣнные по качеству. Наряду съ томительно-нудными и блѣдными страницами попадаютъ написанныя съ несомнѣннымъ талантомъ. Показательна для неокрѣпшаго дарованія автора частая смѣна стиля. Бор. Пильнякъ все еще пробуетъ свои силы.

Серапіоновецъ Всеволодъ Ивановъ разсказомъ «Очередная задача» свидѣтельствуетъ, что можетъ разрабатывать и не одни этнографическіе сюжеты. Извѣчная тема о коллизіи чувства съ долгомъ введена имъ въ жуткую обстановку голодающей Пензенской губерніи. Предисполкомъ Шнуровъ и генеральская дочь Вѣрочка — запоминаются читателямъ.

Ольгу Форшъ нѣкоторые критики причисляютъ къ серапіоновцамъ. До сихъ же поръ она дала рядъ бытовыхъ очерковъ. На сей разъ мы имѣемъ (въ «Звѣздѣ») первый романъ ея. Названіе вычурное — «Одѣты камнемъ», сюжетъ историческій. Какъ поясняетъ критикъ журнала «Звѣзды» — г. И. Лежневъ, «ея